

***

У Маши из девяностых
юбка жёлтая, в пёстрые васильки,
качели подбрасывают коленки,
дедушка охает: «высоко летаешь»
и поправляет кепку.
Она с каждой минутой от меня всё дальше –
превращается в точку из уносящегося самолёта
времени,
и теперь мне почти неведомо,
откуда я здесь, в высоколобой сталинской кухне,
только через сквозняк из форточки
что-то вспомнится
про полёт

вперёд-назад,
назад-вперёд.

***

Ржавая девятка, бутылка водки,
звёзды над гаражами.
Посидим здесь, посмотрим,
где никогда не будем,
кого не узнаем,
на плавающий огонёк в мангале –
если бы только жизни хватило
для всех этих памятных не-встреч.
«Не плачь, – говорят, – не плачь.
Разве это горе».
Разве это я
стою здесь,
такая ничья.

***

Вот и вечер упал на козырёк балкона,
на пятачок подъезда,
и тишина – остальное –
передвигается поездом
от одного молчания к другому.
То ли свобода от речи и языка,
то ли тянется горечь дымком издалека.

Хрустящие птицы, пернатые ветки не в счёт,
полёт воздуха над головой
тоже часть тишины,
и мы с тобой курим, и гул в груди –
это ещё она
или уже душа,
которой так громко здесь и так страшно.

***

Право сидеть взаперти,
скрывать лица за медицинскими масками:
Абрамовы и Ивановых чета –
белое на месте носа и рта,
«Бла-бла-бла», – бубнят,
и «бла-бла-бла» – в ответ.
Осталось только
сдать свой билет
до Москвы, до Воронежа,
теперь ты до меня не дотронешься,
ш-ш-ш-ш.
Мне помнится больше,
чем твоя хрупкость и худоба,
чем то, как тянется речь,
как чуть-чуть заикаешься, чтобы позвать.
И кажется,
тебе уже можно
совсем не существовать.

***

О запахе хлеба, о том,
как скворчит печка в каком-нибудь захолустье.
Как от меня не осталось ни прошлого, ни телесного.
Я целую тебя,
как лунный свет целует травинку.
Отражаюсь в твоём пруду.

***

Ещё немного, и всё сведётся к полёту.
Птицы застыли в сети веток,
поют всё длиннее.
Мужик в курилке говорит: «пахнет весной»,
затягивается.
Я смотрю и думаю о земле.
Наконец дадут свободу земле.
Расправит свой чернозём, выпрямит стебли.
И мне осталось немного,
я – лёгкая,
как пёрышко.
Отпустишь меня,
но слишком долго готовишься.

***

Почти тишина:
сосновые иглы хрустят под ботинками,
изредка по сонной тропинке
прошелестит велосипед,
лёгкое эхо ускользает в просвет,
и отовсюду дышит большое, бездомное –
кажется, ещё чуть-чуть,
и я – вспомню.